

Я понимала: пример Цзян Чжо — лишь капля в море того, что мне предстоит возместить ради Куан Сицин.

— Ничего... Я пойду, — произнесла я. Раз уж она недвусмысленно дала понять, что не желает меня видеть, мне не стоило навязываться. Однако, прежде чем покинуть комнату, я вдруг кое-что вспомнила: — Кстати, через три дня во дворце будет пир. Придешь вместе со мной.

— ...Слушаюсь, — она нахмурилась, но всё же кивнула.

Вспомнив характер Куан Сихань, я поджала губы и, не меняясь в лице, развернулась. Миновав ожидавших меня Бин И и Сяо Чаня, я вышла из её покоев.

Я планировала воспользоваться этим пиром, чтобы заступиться за Куан Сицин и вернуть ей прежнюю должность. Это стало бы хоть каким-то ничтожным возмещением ущерба... Пусть это не искупит причинённую боль, но хотя бы принесет капельку утешения нам обеим, особенно мне самой.

— Ваше Высочество, Супруг Лю направляется в сторону Павильона Слушания Снега.

— Ваше Высочество, Супруг Сунь направляется в сторону Павильона Слушания Снега.

— Ваше Высочество... — стражники, которые только что разошлись, начали один за другим появляться передо мной. Они предупреждали, что Супруги, которым было строжайше приказано не покидать Дворец Охвата Луны, всё же проноухали что-то и теперь дружно двигались в мою сторону. Чтобы не оказаться в окружении этих разодетых, жаждущих власти мужчин, мне следовало уйти — в конце концов, цель моего визита была достигнута.

Бросив последний взгляд на табличку Павильона Слушания Снега и плотно закрытую дверь под ней, я заставила себя отбросить лишние мысли и зашагала прочь, хотя ноги, казалось, приросли к этому месту.

Вернувшись во Дворец Чэньси, я обнаружила, что Янь Кэ уже давно ждет меня.

Увидев, как я, запыхавшись, вхожу в комнату, она переменялась в лице. Её взгляд, брошенный на Бин И, был холодным, как лезвие ножа. Я сразу поняла: даже если она не станет срывать гнев на мне, моим слугам не поздоровится.

Чтобы не множить свои долги, я опередила её:

— Кстати, тетушка Кэ, Императрица назначила пир в мою честь через три дня. Что ты об этом думаешь?

Как и ожидалось, стоило заговорить о Куан Сицин, как Янь Кэ тут же переключилась, забыв о проступках Бин И и Сяо Чаня.

Она поспешно подошла, помогла мне сесть и, махнув рукой, отослала остальных.

— Ваше Высочество, есть ли в этом какой-то скрытый смысл? — с нетерпением спросила она.

— По её словам, это празднование моего выздоровления, — неуверенно ответила я. Хотя мне и не хотелось признавать, но даже я, при всей своей политической близорукости, чувствовала, что этот пир — дело необычное. Что уж говорить о Янь Кэ, которая во всём, что делает Куан Сицин, видела подвох.

Она холодно усмехнулась, и в её глазах читалась насмешка. Казалось, она ни в грош не ставила ту, что восседала на троне:

— Ха, боюсь, всё не так просто.

Сама того не осознавая, я согласно кивнула.

— Поэтому я решила взять с собой Цзян Чжо, — рискнула я озвучить своё решение.

— Что?! — голос Янь Кэ взлетел на октаву выше, и я поняла, что шансы убедить её стремительно тают.

— Ваше Высочество, что это значит? Неужели вас одурманили сладкие речи этой Цзян? — её лицо, мрачное как грозовая туча, выглядело пугающе. Несмотря на то, что я знала, как сильно она обо мне печется, я невольно втянула голову в плечи, отчего её брови сошлись ещё теснее.

Понимая, что отступление лишь приведет к результату, обратному ожидаемому, я прочистила горло и серьезно ответила:

— Тетушке Кэ не о чем беспокоиться, у меня свои планы. Как ты сама сказала, Цзян Чжо когда-то была человеком Императрицы. Вместо того чтобы тратить силы на слежку за ней, лучше вернуть её на прежнее место. Можешь приставить ко мне побольше стражников для подстраховки.

— Вот оно что... Прошу прощения, я не так поняла, — её лицо смягчилось, и она улыбнулась. Я тихо выдохнула с облегчением.

Три дня пролетели незаметно. В день пира, едва перекусив и выслушав тысячу наставлений от Янь Кэ, я была готова отправиться во дворец.

Согласно словам придворной дамы, присланной Куан Сицин, пир был лишь семейным ужином для знатных родов, связанных с императорской семьей узами брака, поэтому наряжаться слишком пышно не требовалось. Однако мой личный слуга Сяо Чань суетился так, будто мы собирались на войну, перебирая шкатулки и что-то бормоча о сочетании цветов в парадном одеянии.

Когда у меня уже начала болеть голова от его усердия, у дверей послышался голос стражника:

— Докладываю Вашему Высочеству, охранник Цзян просит аудиенции.

— Пусть войдет, — я отвела руку Сяо Чаня, державшего золотую шпильку, усыпанную жемчугом, и выбрала из вороха украшений самую простую и легкую заколку из белого нефрита. Поразительно, как у Куан Сихань выработалась такая вульгарная привычка к роскоши и столь дурной вкус.

— Зачем Вашему Высочеству брат Цзян Чжо во дворец? — она стояла позади меня, глядя прямо в глаза через отражение в зеркале. Её взгляд был чист и спокоен, отчего я невольно выпрямила спину, но повернуться к ней не решилась. Я лишь украдкой наблюдала за ней в зеркале — она выглядела озадаченной, но где-то в глубине её глаз проскальзывало нечто похожее на борьбу.

Неужели возвращение во дворец на пост капитана стражи — это не то, чего она хотела?

Я не понимала.

— Ты не хочешь? — спросила я, озвучив свои мысли.

Она на мгновение замерла, словно сама не знала ответа. Лишь спустя несколько секунд она опустила взгляд и поклонилась, но в её покорности сквозило явное сопротивление:

— Нет... Цзян Чжо благодарит Ваше Высочество.

— Вот и хорошо, — я отвела взгляд, поднялась и, пройдя мимо неё, направилась к Янь Кэ, которая стояла у двери, буравя Цзян Чжо предупреждающим взглядом. — Пора, поехали.

Раз уж я дала слово Янь Кэ, пути назад не было... даже если мимолетная тень нежелания в глазах Цзян Чжо заставляла моё сердце сжиматься. Но у меня было предчувствие: вернуть её во дворец, подальше от меня и от этого очага раздора — лучшее решение для нас обеих.

Я с трудом забралась в карету, воспользовавшись помощью Сяо Чаня и спиной крепкого стражника вместо подножки. Для Куан Сихань это было в порядке вещей, но для меня, Цзянь Синь, это шло вразрез со всеми представлениями о равенстве. Мне приходилось постоянно напоминать себе: только отбросив мысли прежней Цзянь Синь, я смогу сыграть роль Лин-ван и

выжить в этом чужом, враждебном мире.

Я боялась, что однажды моё подсознание выдаст меня, и мои неуклюжие попытки притворяться разоблачат те, кто хорошо знал Куан Сихань. Но ещё больше я боялась, что, слишком долго вживаясь в эту роль, я сама стану высокомерной, черствой и равнодушной к чужой жизни.

Я невольно вспомнила глаза Куан Сицин — красивые, мягкие, но неизменно холодные, словно лед. Казалось, лишь глядя на меня, она проявляла хоть каплю нежности, но эта нежность предназначалась сестре, а не пришлой душе по имени Цзянь Синь.

Это был взгляд властелина. И он не должен был стать моим.

Перед тем как шторы кареты опустились, я увидела, как Цзянь Чжо ловко вскочила в седло. Она выглядела статной и уверенной, и никто бы не догадался, что под одеждой у неё скрываются кровоточащие раны.

Словно почувствовав мой взгляд, она подняла глаза. В этом холодном взоре я прочла такой отказ, что желание пригласить её в карету тут же испарилось. Эта женщина прятала свою гордость за маской спокойствия и не желала склоняться даже перед жестокой Куан Сихань. Ей не нужна была жалость.

Я усмехнулась про себя, взяла чашку чая, поданную Сяо Чанем, и сделала глоток.

— Слишком сладко... — поморщилась я. Я ведь просила его больше не подавать этот приторный чай с медовой грушей. Неужели он забыл?

— Рабыня заслуживает смерти! Прошу прощения, Ваше Высочество! — он упал на колени, и его хрупкие плечи задрожали. Я вдруг осознала, что он всего лишь мальчишка.

Разве я могу винить его? Может, Куан Сихань и могла бы, но я — не она.

Подавив вздох, я поставила чашку на столик и небрежно махнула рукой:

— Ладно, в следующий раз запомнишь.

— ...Слушаюсь, — он осторожно поднял взгляд, быстро убрал чашку и подал мне теплую воду. Но страх в его глазах никуда не делся.

Я чувствовала лишь усталость. Мне не хотелось ничего объяснять, и я просто откинулась на стенку кареты, глядя в пустоту. Сколько ещё продлится эта жизнь?

Может быть, если однажды Куан Сицин или кто-то другой узнает, кто я на самом деле, и убьет меня, я смогу вернуться домой?

За такими мыслями я не заметила, как мы добрались до дворца.

— Приветствуем Ваше Высочество Лин-ван.

Едва я вышла из кареты, как две шеренги дворцовых слуг склонились в поклоне. Впереди стояла та самая дама, что провожала меня во Дворец Утренней Росы. Она мельком взглянула на Цзян Чжо и, не подав виду, повела меня в главный зал. Однако молодые слуги за её спиной не обладали такой выдержкой: их взгляды, направленные на Цзян Чжо, были полны странного любопытства, и я была уверена, что это вовсе не восхищение.

По пути нам попадались лишь суетящиеся слуги с подносами. Других министров видно не было — либо я приехала слишком рано, либо опоздала.

Когда я вошла в зал, под аккомпанемент гнусавого голоса евнуха, объявляющего о моём прибытии, музыка внезапно оборвалась. Все гости разом повернулись в мою сторону, словно само имя Лин-ван обладало магической силой. Это не принесло мне ни капли тщеславия, лишь глубокую усталость.

Смотри, Куан Сихань, вот как тебя воспринимают: боятся, но не уважают, и стараются держаться подальше.

— Наконец-то пришла главная гостья! Без Вашего Высочества пир — не пир, — молодая женщина за третьим столиком слева подняла бокал с игривой улыбкой.

— Леди Лу права. Ваше Высочество — особа высшей крови, конечно, она должна появляться последней, — отозвалась другая женщина напротив.

Молодежь в зале начала перешептываться, в то время как старшие молча пили вино, делая вид, что не слышат этой наигранной перепалки.

Я внимательно оглядела обеих: одна была в красном мундире, с густыми бровями и крепким телосложением, другая — в синем чиновничьем халате, с тонкими чертами лица и видом книжного червя. В моей памяти не было никого похожего на них. Значит, люди незначительные.

Раз они не важны, не стоит обращать на них внимания. По характеру Куан Сихань, она бы устроила им разнос.

С таким слабым здоровьем и вспыльчивым нравом неудивительно, что она постоянно болела, несмотря на горы редких лекарств. Неужели эти люди специально провоцируют её, чтобы

вывести из себя? И делают они это по своей воле или по чьей-то указке?

Я подняла взгляд на Куан Сицин, которая в одиночестве потягивала вино на троне. Она поманила меня к себе с мягкой, располагающей улыбкой:

— Хань-эр, садись рядом со мной.

Я обвела взглядом места — рядом с ней было пустое кресло, значит, это решение было спонтанным. Проходя мимо столов, я чувствовала на себе взгляды чиновников, как будто в спину мне вонзались иглы.

Подойдя ближе, я заметила, что взгляд Куан Сицин был направлен не на меня, а на молчаливую Цзян Чжо. На первый взгляд они казались совсем разными, но приглядевшись, можно было заметить поразительное сходство в чертах лица.

Мне стало любопытно: как они встретились впервые? И почему Куан Сицин решила сделать эту похожую на неё женщину своей стражницей? Что она чувствовала, когда Куан Сихань забрала Цзян Чжо? Пыталась ли удержать?

Мысли разлетелись в стороны.

Едва я села, как та самая женщина в синем чиновничьем халате подняла бокал:

— Ваше Высочество опоздали, заставили нас ждать! Должны выпить три чаши в наказание!

Я узнала её — это была Лу Инсюань, сестра императорского супруга Лу Сючжу и одна из немногих подруг детства Куан Сихань. Точнее, собутыльниц.

Но пить три чаши?

Я посмотрела на хрустальный бокал размером с кулак. Прежде чем я успела что-то сделать, Куан Сицин перехватила мой бокал, осушила его и показала пустое дно:

— Лин-ван только что оправилась от болезни, ей нельзя пить. Я выпью за неё, вы не против?

Она улыбалась, но в её глазах, как в глубоком омуте, не было ни ряби.

— Воля Императора — закон, как я могу перечить? — ответила Лу Инсюань.

Атмосфера на миг застыла. Я быстро оглядела зал: одни были в ярости, другие с интересом наблюдали за представлением. А те двое, что устроили этот спектакль, теперь смотрели на

Куан Сицин.

— Где вино — там и музыка, — другая женщина подняла бокал, разряжая обстановку. — Я пригласила лучшую труппу города Гуаньлань, надеюсь, Ваше Величество позволит им выступить.

— Ты добра, — кивнула Куан Сицин.

На пиру было много незнакомых лиц — похоже, это были люди, которых Куан Сицин выдвинула в последние годы. Значит, этот пир, устроенный якобы ради моего здоровья, имел второе дно?

В голове звучали два голоса: один защищал Куан Сицин, другой хладнокровно анализировал улики. От этой сумятицы я отпила вина. Оно оказалось мягким и тягучим, совсем не таким острым, как я ожидала.

Я поставила бокал, и тут в чаше появилась еда. Куан Сицин распорядилась убрать вино, и, встретив мой взгляд, улыбнулась так нежно и покровительственно, что я смущенно отвела глаза.

Вскоре в зал вошли танцоры — молодые люди в лазурных одеждах, с волосами до пояса и лицами, скрытыми вуалями. Под звуки флейты они начали танец, их рукава развевались, словно волны, отчего у меня закружилась голова. То ли от вина, то ли от их томных взглядов... я не могла выносить мужского кокетства.

— Здесь душно, можно мне выйти подышать? — прошептала я Куан Сицин.

Она посмотрела на меня с беспокойством, но лишь кивнула:

— Иди, но не надолго.

Я последовала за У Яо, личной служанкой Куан Сицин, прочь из зала.

<http://bllate.org/book/21773/2251640>